

Поездки на родину папы и мамы

Вернер Леопольд (как он сообщает в докладе, подготовленном для немецких учёных и студентов в 1955 году) привозил старшую дочь в Германию надолго – на срок от трёх месяцев до полугода. Явление, которое учёный при этом наблюдал, можно назвать механизмом взаимного вытеснения языков: в Германии дочь Леопольда начинала всё увереннее говорить по-немецки, к концу пребывания полностью переходила на немецкий – по возвращении английский постепенно восстанавливался, немецкий же отступал (при этом выученное последним исчезало в первую очередь). Период равновесия языков оказывался очень коротким.

Тэшнер с дочерьми проводила в Германии от одного месяца до пяти. С тем же результатом.

К моменту выхода в свет книги Сильвии Жонки родители планировали частые французские поездки, специально с целью усиления языка. Помимо каникул у бабушки с дедушкой, дети должны были отдыхать во французских летних детских лагерях. Но и до того дети Сильвии Жонки ездили на каникулы во Францию каждый год по несколько раз и раз в год оставались на месяц у французских бабушки и дедушки одни, без родителей. Судя по книге, это заметно освежало их французский (хотя доминирующим языком оставался всё же немецкий).

Пределом наших возможностей оказались полёты к родственникам на 2-3 недели, раз в год (иногда реже). Не язык был конечной целью наших посещений России и Америки – объединение семьи. Мы не ожидали заметных изменений в языке от этих вылазок: слишком коротки. К тому же, наши близнецы в основном общались с родителями родителей. С другими же детьми проводили не слишком много времени: двоюродные братья и сёстры большую часть нашего отпуска были, как правило, в отъезде. Если же оказывались дома, часто предпочитали компанию своих друзей. Что не удивительно: „немецкие“ кузен и кузина младше и американских Оливии и Айзеи, и русской Ксюши...

Языковых „переворотов“ полёты не приносили. Во время визитов никаких чудесных скачков в языковом развитии не происходило. Речевые сдвиги оказывалось скорее полезным довеском к приятному и были, в общем, малоощутимы. По приезде же в Германию немецкий довольно скоро опять усиливался (ему возвращалась роль основного языка общения наших близнецов). Даже если дети после возвращения какое-то время оставались дома, то есть не ходили в детский сад. Как-то раз я записала: „Неужели стены напоминают, что здесь язык другой?“

В первый раз дети побывали в России, когда им исполнилось 1+8, в Америке – в 1+10.

Что это за период в развитии (одноязычных) детей? „Второе полугодие [второго года – Е.М.] – период развития активной речи и появления грамматических форм, предложений, формирование обобщений“ (Борисенко М.Г., Лукина Н.А. Чтобы чисто говорить, надо... С. 11.). Если под активной речью и появлением грамматических форм понимать правильные предложения, то наши дети к этому времени отставали, и знакомство с родиной папы и мамы не слишком далеко продвинуло их в нужном направлении.

В речи Алека перемены были чуть заметнее – может быть, потому, что она развивалась в замедленном темпе. После первого полёта в Америку „неговорящий“ Алек сказал свою первую фразу: „All gone!“ В другой раз – выучил несколько новых

слов (потрясший малыша *airplan*, он же – „малёт“...), начал наконец повторять слова по собственному желанию (а не только по нашей просьбе). В России Алек тоже охотно повторял и сам говорил слова. Причем даже и многосложные: „дудулька“ (семейное слово для пустышки), „тананой“ (телефон), „менанада“ (мармелад), вот ещё: частое выражение „капаця много“ (хочу долго купаться). И это при том, что Алек всё ещё стеснялся того, как говорит! Я записывала:

„Сахахак“ (опускает голову, стесняясь плохого произношения, конец трудно слышать)=сухарик. (2+8)

Последний перед шестилетием детей американский полёт как будто оказался действеннее: серьёзнее повлиял на речь обоих детей. Нам показалось даже, что меняется языковая „диспозиция“. Дети начали заменять общий немецкий – английским. Алек даже и наедине сам с собой говорил только по-английски! Правда, это скоро прошло. Визит, во всяком случае, заметно улучшил английский детей: ушли многие кальки, даже самые „закоренелые“.

Но насколько этот факт связан с поездкой? и с тем обстоятельством, что дети впервые вынуждены были говорить на английском – и только? (Получилось так, что они отправились в Америку без меня.) Иногда думается: не в том ли дело, что языку детей просто „пришла пора“ вступить в завершающую фазу?

Поездки вызывали неожиданные эффекты.

В Анины 2+9 вдруг выяснилось, что она умеет считать по-английски до 8. В этом не было бы ничего удивительного, если бы приятный факт не открылся сразу после полёта... в Россию! Станный результат действия языковой среды объясняется тем, что Аню учила считать моя пятилетняя (тогда) племянница Ксюша: она в то время только что начала изучать английский. Такие парадоксы наводят на мысль, что для ребёнка-мультилингвала даже и на ранней стадии существенным оказывается вовсе не объём языкового „входа“ и не количество говорящих на языке, но „авторитетность“ носителей языка (а авторитетнее любых взрослых для детей – ровесники).

Так, может, как средство уравнивания языков дальние поездки сами по себе не так уж и важны? Может, их с успехом заменит общение с однолетками на слабом языке? Впрочем, проверить эту „гипотезу“ непросто: где же в Берлине найти детей, которым болтать друг с другом по-русски или по-английски проще, чем по-немецки...

Некоторые результаты поездок вызывали у нас скорее досаду.

Один из полётов в Россию (3+9) превратил довольно чистый (к тому времени) совместный немецкий детей – в смешанный („Собака krank. Ich gehe лекарства купить. [...] He will пить und essen“, „Я приду mit der cat. Открой мне дверь. Ich bin nicht der Doktor! Там надо Teddy-Bär стоять!“).

Через год (4+7) произошло нечто подобное: американское пребывание повлекло за собой волну „англицизмов“ в немецком: „Du hast es gedroppt“, „gejumppt“ (Алек). Русский (язык общения с мамой) тоже, казалось, терял монолитность: „На plant‘e сидут eggs и bugs“ (Алек). Впрочем, и английский кое в чём пострадал: Алек начал „русифицировать“ английские слова, вводя их в систему русского склонения и словообразования, он говорил: „Гейлик“, „грэндму“!

Тогда мы обращали внимание прежде всего на „порчу“ в языках – но, пожалуй, такая интерпретация результатов была неправильной. Под определённым углом зрения они были... позитивными! Напрашивается такая догадка: перемещение в другую

страну меняет сложившуюся (и застывшую) языковую констелляцию. Встреча языков в новых обстоятельствах приводит к нарушению баланса; языки открываются друг другу и активно взаимодействуют.

Как в калейдоскопе: потрясти – разрушается мозаичный образ, кусочки стекла приходят в движение и складываются в новую картинку.

Или так (по Пригожину): новые условия превращают закрытую языковую систему в открытую, саморазвивающуюся. Нестабильность – хаос – открывает простор творчеству во всех трёх языках. Даёт новый стимул развитию языков!

Иное дело, когда ребёнок получает возможность сконцентрироваться на одном из его языков; результат – прогресс в развитии этого (и только) языка.

Правда, тут возможен и иной ход событий. В случае Алека, кажется, сосредоточение на одном языке сказывалась в лучшую сторону и на других двух!

Впервые об этом подумалось в Алековы 4+4, после моей пятидневной поездки в Россию (по делам, без детей). Вернувшись, я обнаружила, что Аня, продвинувшись в английском, забыла много русских слов. А вот Алек... стал как будто увереннее в русском! Пополнил активный словарный запас, начал использовать более длинные предложения.

Те же результаты принесла и последняя поездка в Америку (та самая, без меня). Ане было явно трудно опять настраиваться на русскую речь. Алек же по возвращении удивил тем, что говорил по-русски необычно много, длинными связными предложениями, совершенно правильными („Я не потерялся, потому что держал папу крепко, не отпуская“). Старые ошибки, правда, никуда не делись, зато выросло сознательное отношение к языку, его системе (назвав санки „санка“ – чего раньше никогда не случалось, – Алек пояснил: „Она же одна!“).

И не тут ли надо искать объяснение странному действию первой американской поездки на... Алеков русский? У малыша начали получаться многосложные русские слова (пожалуйста), он начал правильно выговаривать многие звуки, которые до сих пор не давались: вода (раньше Алек говорил „бада“). Опять-таки: усиленная поддержка одного языка хорошо сказалась и на другом...

Большого, наверное, нельзя ожидать от таких кратковременных поездок, как наши...

Итак, недолгие поездки, чаще всего, влияют на язык малышей таким образом:

- исподволь расширяется словарный запас;
- при встрече языков временное нарушение баланса оказывается спусковым крючком лавинообразного языкового творчества во всех языках.

Если во время поездки вся семья последовательно говорит на одном языке, результаты, видимо, могут быть разными. В одних случаях происходит усиление этого языка – и только (как у Ани). В других случаях прогресс в одном языке (которому прочие не мешают) предопределяет продвижение во всех (так – у Алека).